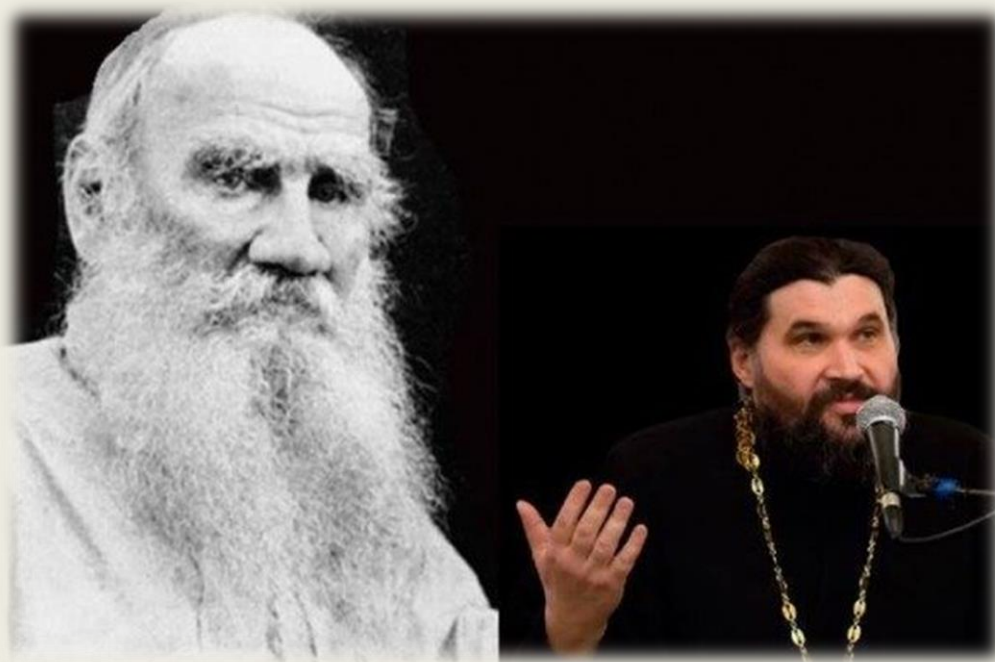

Может ли Церковь простить Толстого?

В издательстве "Эксмо" недавно вышла книга протоиерея Георгия Ореханова «Лев Толстой. Пророк без чести», посвященная непростым и трагическим взаимоотношениям классика русской литературы и Русской Православной Церкви. Предлагаем вашему вниманию фрагмент из книги.

Протоиерей Георгий Ореханов родился в 1962 году в Москве. В 1984 году окончил механико-математический факультет МГУ, 14 лет преподавал математику в различных школах Москвы. В 1990 году окончил факультет психологии МГУ, а в 1995-м — Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ныне — университет). Кандидат богословия (1998), доктор церковной истории (2010), доктор исторических наук (2012). Автор четы-

рех монографий и более восьмидесяти научных публикаций. В 1999 г. рукоположен в сан священника. Служит в храме Свт. Николая в Кузнецах, проректор ПСТГУ по международной работе.

Писать о Льве Толстом священнику всегда будет сложно. Потому что его религиозные идеи — вызов нашей вере. Все тому, что для нас, православных христиан, да и просто христиан, свято, дорого и что для нас является выражением духовной глубины и религиозной ответственности.

Очень хочется как-то «определить» Л. Толстого раз и навсегда. Окончательно. И больше к этому вопросу не возвращаться. Но мешают два обстоятельства.

Первое. О большинстве критиков Л. Толстого очень часто никто не помнит и никто их не читает. А русского писателя издает, читает, знает и любит весь мир. Более того, любовь мира к художественному творчеству Льва Толстого есть верный признак того, что он, этот мир, еще на что-то способен, еще что-то может любить, чему-то радоваться, о чем-то размышлять.

Литературное творчество Толстого перед читателями первой трилогии («Детство. Отрочество. Юность»), «Войны и мира», «Анны Карениной», «Казачков» разворачивает жизнь во всей ее полноте. А ведь творчество, или, как говорил сам писатель, художество, связано с верой, религи-

ей очень прочными нитями, которые невозможно просто так разорвать.

Христианство — всегда опыт художества, опыт красоты. Это может значить только одно: в своем художественном творчестве, в том, что созидает смысл и красоту, Лев Толстой говорит миру что-то очень важное. Может быть, очень важное именно сегодня, когда со смыслом и красотой все труднее.

И второе обстоятельство. Перед читателями и почитателями писателя сто лет назад стояла проблема, разобраться в которой довольно сложно и сегодня. Она заключалась в том, что сам Толстой настойчиво квалифицировал свои взгляды именно как христианские, а современники писателя знали только церковное христианство. Любая другая религиозность, кроме православия, в XIX веке могла быть, с точки зрения государства, только терпимым исповеданием, и только православие должно было господствовать, с точки зрения власти и закона, в государстве и обществе. Я убежден, что в определенной степени благодаря именно этой законодательной установке, оформившейся в эпоху императора Николая I, финалом русской жизни в 1917 году стало разрушение государства и общества. Катастрофа, которая чуть не привела к тотальному разрушению веры, к торжеству воинствующего антитеизма, построенного на крови.

Таким образом, в художественной стороне творчества Толстого есть глубокий смысл. Совсем другое дело — его

борьба. Но только борьба не «против», а «за». Борьба против православия и Церкви была очень страстной, неубедительной и необъективной. Борьба за религиозное достоинство человека, его религиозное самостояние (вспомним Пушкина: «самостоянье человека, залог величия его!»), за инстинкт Божества стала уникальной страницей истории русской духовной культуры XIX — начала XX веков.

Нам пришлось проделать большую работу, чтобы понять, что представляет собой религиозность Л. Толстого и какое отношение она имеет к христианству. Я предложил читателю сложную схему с тремя измерениями: субстанциональность — функциональность — дискурс. Мы можем констатировать теперь, что в том, что можно назвать религией Толстой, традиционная христианская догматика (а

вместе с ней мистика, все сверхъестественное) не имеет практически никакого значения и заменяется построениями, в которых особое значение приобретают новые концепты, сконструированные Толстым: «разумение жизни», «инстинкт Божества» и т. д.

Главное же заключается в том, что Толстой особое значение придает функциональному измерению религии. Она должна главным образом отвечать на вопрос о смыслах, в частности, на вопрос о смысле жизни, но отвечать так, чтобы ответ никоим образом не апеллировал к какойлибо метафизике и каким-либо трансценденциям. То есть к тому, что, с точки зрения Толстого, совершенно не постигается опытом, в том числе и религиозным. Ответ, который на вопрос о смыслах дает традиционное понимание Евангелия, в центре которого стоит Христос Воскресший, Толстого совершенно не устраивает. Поэтому в его построениях нет места и для Церкви.

Сегодня мы должны отчетливо понять, что эти построения не оказались случайной выдумкой русского богоискателя, предопределенной типом воспитания, который он получил, или его кругом чтения. Лев Толстой проповедовал тот тип христианства, который был очень популярен в Европе и который энергично «вербовал» сторонников в России. Если бы не было Толстого, в России появился кто-нибудь еще, кто смог бы озвучить идеи, витавшие в воздухе интеллектуальной Европы. Во второй половине XIX века по-

явление «русского Штрауса» (или «русского Ницше», «русского Кьеркегора») было неизбежно.

Толстой всегда выступал за свободу совести и веры. Но даже при своем уме и проницательности коечего писатель не видел или упрямо не хотел видеть. Он, так близко знавший народ, его нужды, потребности, беды и горести, так тонко чувствовавший русскую природу, умудрился не заметить главную святыню народной души, православную веру, которая господствовала не в государстве, а определяла жизнь 80 процентов крестьянского населения России. Это господство в сердце простого русского человека было очень своеобразным и совмещалось с тотальным невежеством (в том числе и религиозным), элементарной неграмотностью, грубостью, пьянством, развратом и другими тяжелыми пороками, которые так ярко изображены русскими писателями. И несмотря на это, Толстой не мог, не имел права не видеть и не знать, что именно Церковь привила и укрепила в русском человеке его лучшие, органические качества: смиренным, способным к жертве, к часто нечеловеческим условиям жизни, способным к милосердному сочувствию и прощению врагов. Говоря образно, готовым перед решающим боем надеть белую рубаху и в то же время накормить пленного — таким, каким его Толстой и описал гениально в «Войне и мире» накануне Бородинского сражения.

Именно эти качества дали силы выжить и сохранить Церковь после 1917 года; в сталинских лагерях и гитлеровских

газовых камерах силу жить давало традиционное Евангелие, а не «евангелие» Толстого и не его «Круг чтения». И в самый ответственный момент жизни, на границе между жизнью и смертью, при переходе в вечность, человек религиозный попрежнему жаждал утешения, молитвы, последнего напутствия от священника, а не толстовских нравственных наставлений.

Сам Л. Толстой всегда чувствовал свою связь с этим народным православием. Мы видели, насколько ему была чужда идея Церкви. Лев Толстой с ранней молодости категорически отказывался принимать церковную догматику, христианскую мистику (чудеса), жестко критиковал Церковь за тесную связь с государством, за отсутствие свободы совести. Но в то же время, имея с детства опыт общения с простым народом, писатель высоко оценил лучшие качества русской души, воспитанные и возвращенные православием — смирение и покаяние, которые действительно часто реализовывались в «непротивлении»; любовь и милосердие к слабым, беззащитным, обездоленным; жертвенность; тяжелый труд на земле. Жизнь «по совести», «по правде», глубокое понимание народом смысла правды именно как христианской правды, вера в высокий образ Христа Страдающего, исходившего всю русскую землю и ее благословившего. Наконец, христианский аскетизм и уважительное отношение к старцам.

Повторю: конечно, в таком перечне присутствует некоторая идеализация — уж слишком тяжелыми были грехи

русского народа, так ярко проявившиеся во время кровавой вакханалии 1917 и последующих годов. Тем не менее именно эти качества, пусть и очень тонкой нитью, но связывали графа Льва Толстого с «верой отцов», о которой он с таким почтением отзывался в раннем дневнике 1850-х годов.

Для Толстого оказалось невозможным то, что в этой книге названо «большой трансценденцией»: невозможность верить в Личного Бога, ХристаБогочеловека, Его воплощение и искупление человеческого рода, наконец, в Его Воскресение. Невозможность верить в личное бессмертие. Наконец, невозможность соединяться с Богом в таинстве Евхаристии. Все это было для Толстого невозможным потому, что для него его личный опыт имел абсолютное, универсальное значение. Универсальность религиозного опыта означала для писателя две вещи.

Во-первых, он отстаивал тождество жизненного и религиозного опыта для всех людей. Все люди земли, по Толстому, хотят одного блага, связаны общими жизненными ценностями и заботами (любовь, семья, труд) и поэтому духовную жизнь, добро и зло, радость и страдание должны понимать и понимают одинаково, то есть так, как все это понимает сам Лев Толстой. Более того, добро и зло понимают одинаково, с точки зрения Л. Толстого, и все главные мировые религии.

Во-вторых, универсальность личного опыта означает, что в мире просто нет и не может быть ничего, что не уклады-

вается в этот опыт. Например, не может быть Воскресения Христа — не может быть просто потому, что за 82 года жизни Льва Толстого никто не воскрес.

В итоге, придавая личному опыту, в том числе религиозному, всеобщий и универсальный характер, Толстой совершил одну важную ошибку. Его собственные построения для образованного человека конца XIX века уже были подозрительно метафизичны. Их также можно очень легко критиковать с тех же самых позиций, с каких он сам критикует церковное христианство.

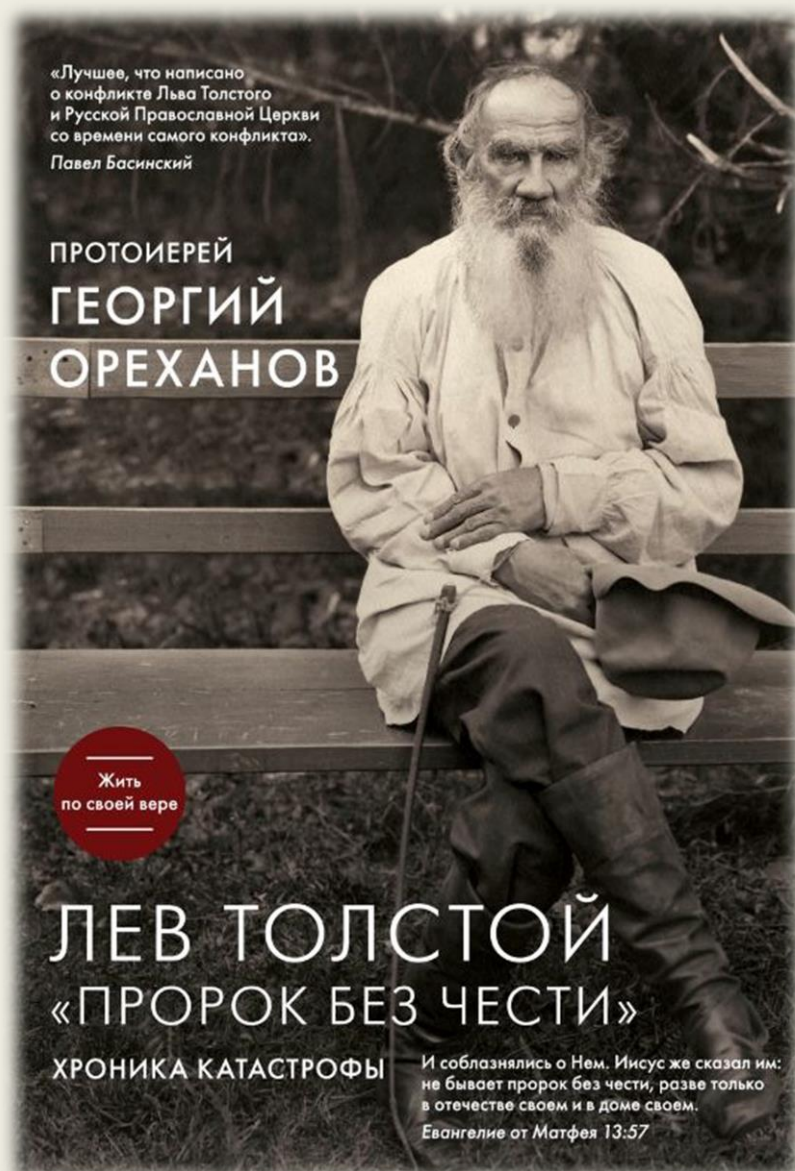
Другими словами, критика православной веры очень легко обращается в критику толстовства. Потому что в конечном итоге это критика конфессиональной религиозности, традиционного понимания христианства вообще. Действительно, что такое «разумение жизни», например? Почему именно оно является признаком вечного, духовного начала в каждом человеке, атрибутом Бога и религиозности, «инстинктом Божества», как гениально пишет об этом Л. Толстой в дневниках? Не найдя в своей жизни никакого подтверждения факту Воскресения, много ли подтверждений нашел писатель этому «разумению»?

Откуда берется этот инстинкт? Кто им обладает в полноте? Он сам, Лев Толстой, два-три русских крестьянина (среди них на первом месте — друг Толстого Сютаев со знаменитым принципом «все в тебе»), мудрецы всего мира — Сократ, Конфуций, Лао-цзы, Будда, Паскаль, савойский викарий, Кант... Кто еще? Не слишком ли мало

для многовековой истории человечества? И почему религиозный опыт Конфуция и Льва Толстого мы должны признавать адекватным своему собственному?

И еще один вывод, может быть, самый главный. Отвергая Церковь, Л. Толстой не только убивал художественную стихию в самом себе, но и косвенно толкал на это преступление других художников. Это убийство художественности в угоду плоскому рационализму одновременно было и отрицанием сложности жизни: «Ибо сложность церковно-христианского непонимания есть та самая сложность, которую прекрасно чувствует и понимает гениальный художник. Толстой — художник свидетельствует, что жизнь несоизмерима с фулевским разумом, что сложность ее непередаваема ни в каком логическом рассуждении, что в ее неисследимые глубины можно проникать лишь под водительством сверхрассудочного сцепления образов».

В отречении от сложности и красоты главное преступление Л. Толстого и заключалось. Именно поэтому образ Толстого двоится. Это разрушение и созидание одновременно. Это сочетание нигилизма, вирус нигилизма, и одновременно — поиск Божественной правды. Все в конечном итоге превращается в вирус революции: без Воскресения всего живого, без обновления и преображения мораль не способна противостоять стихиям разрушения и сама начинает в какойто момент работать на разрушение.

Вирус «революции Толстого» (по выражению архиепископа Иоанна (Шаховского)) распространяется повсеместно уже 150 лет. Толстой, как герой «Сна смешного человека» Ф.М. Достоевского, активно содействовал развращению русского человека, помогая развитию некоторых национальных недугов».

Часто просто не читая Толстого, особенно не задумываясь над тем, что, собственно, писатель хотел сказать, русский образованный человек, уже пропитанный нигилизмом,

отозвался на толстовский призыв к бунту и распространяет это отношение к жизни вокруг себя.

Сам Толстой понимал сложность духовной ситуации и стал искать выход. Для нас важно, что вместе с Достоевским. Конечно, слово «вместе» я понимаю именно так, как сказано в этой книге о «невстречах». Оба великих русских писателя жили в обществе, которое фактически отвергло вероучительный, духовный и пастырский авторитет Церкви. Именно поэтому главная заслуга Толстого и Достоевского перед культурой заключается в том, что они со всей остротой поставили вопрос о личной ответственности человека перед Богом. В такой постановке религиозная проблематика русской культуре была чужда. Русский человек, в образованной среде часто не получивший никакого религиозного образования, а в крестьянской — часто просто неграмотный, и уж в любом случае совершенно незнакомый со святоотеческим наследием и принципами православной аскетики, не привык воспринимать веру как жизненный вызов и жизненную задачу, особенно там, где это было в первую очередь связано с культурным строительством.

В русской душе жертвенное начало всегда было гораздо сильнее созидательного. Слушать проповедь священника, присутствовать на богослужении, далеко не всегда понимая его смысл — вот образ веры многих русских людей XIX века, причем далеко не только крестьян. Доверие к Церкви, которое призвано быть фундаментом религиоз-

ной жизни, очень часто оборачивалось беспомощностью, отсутствием личных усилий в деле спасения, размыванием моральных норм, нравственной и религиозной индифферентностью.

Здесь требовалось решительное религиозное пробуждение: понимание значимости личных усилий в деле спасения, личного отношения и выбора, экзистенциального характера религиозного опыта, способность противостоять вызовам Нового времени, в первую очередь — убежденности в универсальном характере науки и ее способности объяснить все на свете и обойтись без религии. Именно попытка такого пробуждения роднит проповеди Толстого и Достоевского между собой.

В книге мы много говорили именно о «невстречах», полюсах отталкивания Толстого и Достоевского. Но теперь мы должны говорить и о полюсе притяжения. У двух писателей были важные точки сближения и соприкосновения. Это моральная проповедь, призыв к духовному очищению, мечта о Царстве Божиим, царстве разума (любви), которое рассматривается ими в контексте христианской утопии. В этом смысле интересно признание, сделанное однажды А.А. Ахматовой: «Мы, модернисты <...> ошибались, противопоставляя их друг другу. В действительности они похожи и делали одно дело, только один внутри церковной ограды, другой вовне <...> Оба они — великие учителя морали и оба пеклись об одном».

Пути двух великих русских писателей предельно сближаются там, где речь заходит о Царстве Правды и Любви. Их встреча— в общем идеале, очень по-разному реализуемом, в утопичной по своей сути идее построения Царства Божьего на земле, оправдании и умножении добра на Земле, общей работе спасения. Я попытался показать, что теоретически эта идея очень легко поддается сокрушительной критике, и эту работу убедительно проделал в 1882 г. К.Н. Леонтьев. Но практически умножение добра и любви, в сущности, и есть один из главных смыслов и целей христианской жизни. И в то же время в творчестве двух великих русских писателей присутствует значимый контраст в восприятии мира.

С.Н. Булгаков отмечает, что оба, посещая Оптину пустынь, у старца Амвросия видели одно и то же, толпу людей, но один нарисовал картину мрачную, грустную, холодную, без любви и сострадания, в чем-то безнадежную («Отец Сергей»), другой — светлую, радостную, в чем-то даже веселую («Верующие бабы» в «Братьях Карамазовых»). Лик Христа — именно Лик, а даже не Личность, не учение — вот что кардинально разделяет Толстого и Достоевского.

Более ста лет назад С.Н. Булгаков отметил, что в произведениях Достоевского светит великий символ — Солнце, которым освещается и согревается все творчество Достоевского и который отсутствует у Толстого, «ибо им отвергнуто оно за ненужностью и упразднено с враждебностью, несмотря на сгушавшуюся тьму религиозного отчаяния».

Это солнце и есть живое чувство Христа, а искусству Достоевского была вверена единственная и исключительная задача — явить этот Лик. И поэтому пути Толстого и Достоевского — «две совершенно разные религии, два разных чувства мира, два ощущения зла и добра в мире и человеке. Одна есть религия живого Христа — Спасителя», а другая «есть просто учение, отделенное от своего живого источника, превращенное в доктрину и навьюченное, как долг, на слабые плечи человека».

Критика Л. Толстым Церкви вполне «в тренде» современной эпохи. Яснополянский мудрец приложил много усилий, чтобы разрушить Церковь — этот, как он полагал, «обман» и «соблазн». Толстой много сделал для десакрализации русской жизни, сознания и души и, что самое главное в данном случае, для перевода этого процесса в публичную сферу.

И у его дела сегодня есть продолжатели. Бездарные, но очень агрессивные. Я не случайно во введении к книге поставил рядом Толстого и девушек, певших песенки и совершавших кощунственные действия в православных храмах. Ведь эти песни и эти действия — звенья той же самой цепи, попытка в публичном пространстве продемонстрировать стремление современного человека к свободе от Церкви, в конечном итоге, эрозия «абсолютного», «святого» как категорий сознания. Или, более точно, это новая попытка в публичном пространстве противопоставить Церковь и общество. И разве не Толстой был самым

энергичным деятелем на этой ниве в русской культуре? И если в XIX и даже XX веках можно было дискутировать на тему, являются ли кощунственными две печально знаменитые главы романа «Воскресение», то сейчас, в эпоху постмодерна само понятие «кощунство» просто уходит из употребления.

Совсем недавно мой друг прислал мне очень характерную фотографию, сделанную недалеко от одного известного подмосковного монастыря. Слева на ней отреставрированный храм и контуры монастырской стены, справа — развалины другого храма, на которых красуется надпись: «Бог тебя любит, а я тебя пырну». Эти слова, мне кажется, являются ярким свидетельством разорванности сознания современного (молодого?) человека, того явления, которое в этой книге названо «лоскутностью». Бог есть, и рядом живут люди, которые сохранили отеческую веру в Него. Но для автора надписи Он уже не является авторитетом. И даже Его любовь не удерживает его в произволе. Именно Л. Толстой явился автором первого социально очень значимого русского «печворка» — попытки заменить Церковь и ее веру сложным конгломератом представлений, главной «скрепой» которого является принцип: «истинно то, что кажется таковым моему разуму и опыту». Или по-другому: «истинно то, что я считаю таковым».

Наше расследование подошло к концу. Была ли жизнь графа Льва Толстого победой или поражением, радостным путем к Богу или мучительным перепутьем сомнений и разочарований? Мы отметили амбивалентность писателя, его религиозного творчества, даже его дневника, противоречивость и насыщенность взаимоисключающими чертами. Окончательный суд о графе Толстом произнесет Сам Бог. А Русская Церковь сказала о Толстом свое слово в 1901 г. Это слово отличается взвешенностью и любовью. С моей точки зрения, это был единственный серьезный самостоятельный поступок Синода за почти 200 лет его существования. В книге я привел достаточно фактов, свидетельствующих о том, насколько этот шаг был невыгоден светской власти и насколько она, власть, ему не сочув-

ствовала. А с точки зрения русского общества это был просто безумный шаг, несущий в себе черты тяжелого поражения. И поражение действительно было. Но оно было тактическим — ведь почти весь мир остался на стороне Толстого. Но одновременно это была великая стратегическая победа: «Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1:21). Победа заключалась в том, что Церковь исполнила свою миссию — смело и бескомпромиссно напомнить миру о его мнимой мудрости, даже ценой грандиозного политического скандала.

Синодальный акт 1901 года был первым церковным ответом. Второй — в подвиге мучеников, которые своими страданиями свидетельствовали не только верность Христу, но и дали великий ответ на вопрос Толстого: «Может ли в это верить современный человек?» Третий ответ должен своей жизнью дать каждый христианин. Потому что проповедь Толстого есть действительно вызов, который стал только агрессивнее в эпоху крушения традиций, торжества прагматизма и морального плюрализма. И философия Толстого по-прежнему остается принципиальным вызовом всему православному богословию, которое по-прежнему призвано дать ответ современному человеку на вопрос, зачем он живет. Даже если человек научился задавать этот вопрос самому себе.

Мы, к сожалению, не располагаем какими-либо убедительными сведениями о том, что в последние годы жизни Толстой изменил отношение к Церкви и православию. Поэтому предложения пересмотреть содержание синодального определения 1901 г., простить писателя сегодня выглядит такими же странным, как и сто лет назад. Отмена синодального акта невозможна по двум причинам.

Во-первых, такой шаг был бы актом большого неуважения к Толстому, к его свободе, ко всему тому, что им было сказано о Церкви. Ведь сам писатель признал справедливость церковного акта, его точность в констатации того факта, что граф Толстой сознательно ушел из Церкви и не хочет в нее возвращаться.

Во-вторых, отмена церковного определения автоматически означала бы возможность молиться о Толстом такими словами, которые он сам воспринимал как кощунство. Откройте православный требник, прочитайте хотя бы маленький отрывок из православной панихиды и спросите себя: можем ли мы так молиться о Толстом?

Я напомним читателям этой книги то, о чем сообщает нам Евангелие. Вместе со Христом были распяты два разбойника. Один поносил Спасителя, другой каялся в своих грехах. Второму разбойнику Христос обещал рай. Мы можем спросить: а почему Он не предложил рай первому? За компанию? Не предложил потому, что уважал его выбор.

Церковь Христова — высшая возможная на земле форма
абсолютного уважения к человеческой свободе.

Протоиерей Георгий Ореханов

